

сбозначалась двѣ партіи: итальянская, тяготѣвшая къ избранію въ короли итальянскіе какого-нибудь мѣстнаго владѣтеля, и цѣмоцкая, вѣршая имперіи; обыкновенно при всякихъ переменахъ въ престолонаслѣдіи въ Миланѣ происходила борьба между партіями. До конца XI вѣка Миланъ сильно враждовалъ съ Павією, вторымъ по величинѣ городомъ Ломбардіи и съ Лодя: причины вражды заключались въ политическихъ несогласіяхъ относительно имперіи (несогласіяхъ, не всегда принципиальныхъ, часто случайныхъ, такъ какъ мѣдъ ни одинъ изъ этихъ городовъ не придерживался неизмѣнной политики) и въ обычныхъ сосѣдскихъ ссорахъ. Съ теченіемъ времени партія Рема, церковная, стала возвышаться въ Миланѣ и затмила собою партію имперскую. (Что касается до „итальянской“, то она слилась съ церковной: архіепископъ явился связующимъ звеномъ между ними). Между многими другими причинами этому содѣйствовала широкая благотворительность церкви въ эпоху такихъ бѣдствій, какъ, напр., трехгодичный голодъ (1030—1033 гг.); архіепископъ дѣлалъ чудеса благотворительности и, положительно, спасъ половину населенія отъ голодной смерти. Жестокія экзекуціи, постигшія Ломбардію при Генрихѣ II, Конрадѣ II и отчасти Генрихѣ III вслѣдствіе попытокъ отложиться, еще болѣе отвратили Миланъ отъ имперіи. Во временахъ Конрада II относятся тѣ социальные смуты, о которыхъ намъ пришлось уже упомянуть въ прошлой главѣ. Случилось это около 1034—1035 гг. Дѣло въ томъ, что мелкое землевладѣльческое сословіе (вальвассоры) и арендаторы съ давнихъ поръ привыкли смотрѣть на обладаніе своею землею, какъ на вѣчную наследственную аренду, за которую они обязаны извѣстными податами крупнымъ феодаламъ, верховнымъ собственникамъ. Крупные же сеньоры обнаруживали тенденцію прекратить эти порядки и раздѣливши свои земли на болѣе мелкіе участки, раздать ихъ большому количеству арендаторовъ. Помимо иныхъ выгодъ, эта комбинація сулила имъ увеличеніе числа зависящихъ вассаловъ, столь нужныхъ въ тѣ неспокойныя времена. Вальвассоры возмущались противъ сеньоровъ, началась вооруженная борьба, и рѣшителемъ спора явился императоръ. „Если Италия жаждетъ закона, я ее насыщу, — сказалъ Конрадъ, отправляясь въ Ломбардію.